

С.Н. Слепухин

Новосибирский государственный университет

**Категории юридического языка
в плане выражения естественного языка:
когнитивно-семиотический подход**

Аннотация: В данной статье рассматриваются философские предпосылки возникновения и классического употребления термина «категория» в лингвистическом и правовом контексте. Дается критика объективистского понимания семантики слов, выражающих юридические категории. В качестве альтернативы, обосновывается применение когнитивного (в рамках теории прототипов) и семиотического (в рамках теории знака) подхода к анализу феномена категоризации в юридическом языке. Юридический язык – метасемиотическое построение на базе естественного языка, которое обусловлено когнитивными механизмами.

The present article deals with philosophical preconditions of appearance and classical use of the term «category» in linguistic and legal context. Given is criticism of objectivistic understanding of semantics of the words expressing legal categories. Alternatively, there has been proved the application of cognitive (within the limits of the theory of prototypes) and semiotics (within the limits of the sign theory) approach to the analysis of categorization's phenomenon in a legal language. Legal language is a meta-semiotics construction on the basis of the natural language which is determined by some cognitive mechanisms.

Ключевые слова: категория, прототипический эффект, идеализированная когнитивная модель (ИКМ), фрейм, значимость, концепт, юридическое лицо.

Category, prototypical effect, idealized cognitive model (ICM), the frame, importance, concept, legal person.

УДК: 81–119.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, гуманитарный факультет. Тел. (383) 3300862. E-mail: sergey_legal@mail.ru.

С одной стороны, естественный язык является планом выражения юридических идей и ценностей, некоей правовой реальности. С другой стороны, юридический язык является метапостроением для языка естественного, т.е. формализованным искусственным языком. Но может ли правовая реальность быть «редуцирована к понятийным образам, вещам и событиям, которыми субъекты права (адвокаты, судьи и проч.) произвольно оперируют» [Философия сознания, 2003, с. 409]?

Необходимо признать, что анализ юридического языка с объективистских позиций не учитывает концептуальной природы многих понятий, сводя толкование к логическому оперированию абстрактными обозначениями. Однако «логика языка имеет существенные расхождения со всеми существующими вариантами логик» [Степанов, 1971, с. 73].

Стоит отметить, что термин «категория» (с др.-греч. *κατηγορία* — «высказывание, обвинение»), изначально, имеет философскую природу: впервые был использован Аристотелем в трактате «Категории», под которыми он понимал наи-

более общие понятия, выполняющие предикативную функцию как «некие высшие сущности объективного бытия» [Степанов, 2002, с. 121].

Однако ныне этот термин употребляется в значении, данном Кантом, как априорное понятие рассудка, связанное с чувственно воспринимаемыми предметами посредством трансцендентальных схем, которые имеют объективную природу: «Категории суть понятия, а *regi* предписывающие законы явлениям, стало быть, природе, как совокупности всех явлений» [Кант, 1964, с. 212].

Гегель, отождествляя бытие и мышление, рассматривает категоризацию как метод диалектического постижения сознания и его предмета в их единстве, основываясь на том, что «вещь не может быть для нас ничем иным, как понятием о ней» [Гегель, 1937, с. 11].

Все перечисленные выше философы понимали мышление, а значит и категоризацию, как объективно существующие. В результате возникла мощная философская предпосылка, положенная в основу классической теории категорий: мышление является правильным, если оно логически точно передает отношения в объективном мире.

Термин «категория», возникнув в «лоне» философии, в настоящее время используется также в рамках нефилософских наук как понятие, достигшее предельного уровня обобщения – т.е. родовое по Аристотелю. Соответственно, молчаливо принят и основной тезис логики Аристотеля: только существенные свойства индивидуальных явлений могут составлять содержание соответствующих понятий на различных уровнях обобщения: единичном, видовом и родовом. Таким образом, согласно объективистской парадигме, понятия на родовом уровне обобщения составляют категории мышления.

Принимается, что каждая из этих категорий имеет объективную сущность, и для ее познания мы можем выделить необходимый и достаточный набор признаков, которые составляют содержание соответствующего понятия. Но возможно ли говорить об объективности значений юридических категорий вне рамок данного языкового сообщества? Можем ли мы задать четкие границы юридическим категориям вне контекста их конкретного употребления?

Автор данной статьи считает, что ответы на эти вопросы можно получить, подвергнув существующие юридические категории тщательному анализу, используя теорию прототипов и идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа, теорию фреймов Ч. Филлмора, а также методы семиотики (школа Ю.С. Степанова, С.Г. Проскурина).

Для того, чтобы показать практическое приложение такого подхода к языковому анализу правовых категорий, рассмотрим такое известное, в юриспруденции, понятие как «юридическое лицо». Употребление имени «юридическое лицо» является конвенциональным, хотя с позиции языковой семантики его содержание является целиком искусственным. То, что юристы называют «юридическим лицом» представляет собой систему прав и обязанностей, которыми пользуются и которые исполняют конкретные люди, хотя носителями этих прав и обязанностей последние не являются.

С позиции семантики фреймов «исчерпывающее понимание значений слов в данной области лексики невозможно без понимания социальных институтов и схематизации опыта, которую они подразумевают» [Колесник, 2002, с. 59]. Так как юридические идеи и ценности являются планом содержания для метасемиотического построения на основе естественного языка, мы можем говорить, по крайней мере, о двух структурах знания, стоящих:

За обыденным языком, в рамках народной теории – оппозиция «организация / человек»: юридическое лицо понимается как зарегистрированная государством организация, созданная людьми или одним человеком для официального делопроизводства, связанного с экономическими отношениями, а физическое лицо как просто человек.

За юридическим языком, в рамках научной теории (оппозиция «юридическое лицо / физическое лицо»). В научной теории фрейм имеет более сложную структуру:

а) существуют реальные общественные отношения, которые связаны с оборотом имущества и с нематериальными благами их участников; эти отношения регулируются некой совокупностью правовых норм, которую юристы именуют «гражданское право»;

б) права и обязанности участников названных отношений мыслятся в категории «лицо»: таким образом персонифицируется значимый в правовой реальности уровень их восприятия;

в) понятие «физическое лицо» в гражданско-правовых отношениях находится в оппозиции понятию «гражданин» и служит целям правовой идентификации референта слова «человек»;

г) понятие «юридическое лицо» в гражданско-правовых отношениях указывает на релевантность его референта только в рамках правовой реальности и является репрезентацией правовой личности, которая имеет закрепленные в законе признаки своей идентификации, в системе соответствующих прав и обязанностей.

Таким образом, в рамках народной и научной теорий существуют некие идеализированные структуры, которые определяют употребление слова «юридическое лицо». Как будет показано ниже, эти идеализированные структуры имеют когнитивный характер и способны порождать прототипические эффекты.

Здесь нужно сделать важное замечание: юридический язык, как правило, имеет дело с абстрактными именами, находящимися в концептуальной области (если эти имена не являются привнесенными искусственно), и им сложно дать денотативную характеристику. Абстрактные категории имеют опосредованную значимость: «они понимаются вследствие своих систематических отношений с непосредственно значимыми структурами» [Лакофф, 1981, с. 349]: в терминологии Дж. Лакоффа, структурами базового уровня и образно-схематическими структурами.

В данной области особенно актуален тезис С.Г. Проскурина о том, что «значение может быть извлечено только из констелляции слов, поскольку исключительно значимость обеспечивает сигнификацию», а значимости – это «своеобразные узлы или центры пересечения, при помощи которых осознается значение отдельных словоформ» [Проскурин, 2010, с. 340]. Таким образом, анализ юридических категорий, по мнению автора, имеет целью раскрытие именно концептуального уровня – уровня значимости.

Вернемся к понятию «юридическое лицо». Для юристов, в общем, это «субъект гражданского права», наряду с физическим лицом, который имеет закрытый перечень видовых разновидностей: хозяйственные товарищества и общества, производственные кооперативы, государственные и муниципальные унитарные предприятия, некоммерческие организации.

Однако, на деле, «существенная» предикативная характеристика рассматриваемого понятия («субъект гражданского права») не оказывается абсолютно релевантной во всех употреблениях. Объем и содержание этого понятия не являются, соответственно, закрытым перечнями членов и признаков, что проявляется как в сфере языка, так и в сфере права.

Так, в разных языках лексические значения слов, выражающих понятие «юридическое лицо», являются также различными, что накладывает свой отпечаток на их семантику: «в немецком языке это словосочетание аналогично русскому (*juridische Person*), но в английском употребляются термины *legal person*, *legal personality*, что может быть понято не только как юридическое лицо, но и как «лицо (личность), основанное на законе» и даже как «субъект права» вообще. Кроме того, для обозначения юридического лица в английской литературе используются слова *artificial person* («искусственное лицо»). Во франкоязычной версии Евро-

пейской Конституции для этого употребляется термин «*personne morale*», что по основному смыслу означает «моральное», «нравственное», «духовное» лицо» [Чиркин, 2005, с. 18].

Далее, на практике, государство, в лице своих органов (например, Счетная палата, Центральная избирательная комиссия и др.), выполняет такие функции, которые актуализируют применение к нему признаков понятия «юридическое лицо». Здесь стоит отметить, что юристы условно разделяют право на частное и публичное, и гражданское право входит в объем первого. Но государство находится по большей части в сфере действия второго. Эта ситуация отмечается самими юристами: «вместе с тем в российском и зарубежном законодательстве называются такие юридические лица, к которым классификации на основе частного права могут применяться только частично или совсем неприменимы. Это **юридические лица публичного права**. Среди таких юридических лиц... в праве зарубежных стран называется само государство... В Конституции Европейского Союза названы этот Союз (ст. 1–7), а также некоторые «институты ЕС», например Европейский банк» [Чиркин, 2005, с. 19].

Несмотря на описанную выше ситуацию, отечественные юристы, в большинстве случаев, избегают употребления этого слова... но почему? Сначала нужно отметить то немаловажное обстоятельство, что термин «юридическое лицо», на уровне кодификации, был впервые использован в Германском гражданском Уложении 1896 г. В самом деле, история использования формулировки «юридическое лицо» в законе отсылает нас к указанной выше «существенной» предикативной характеристике – «субъект гражданского права». В результате постоянного применения этой субкатегории возникло правило, выраженное в прочной ассоциации (здесь мы следуем концепции Витгенштейна: правило есть практика употребления слова [Витгенштейн, 1985, с. 93]) со словом «юридическое лицо», которое имело, по сути, более широкий интенционал и экстенционал.

То есть в юридической научной теории возникла категориальная субмодель, которая метонимически заместила более общую, что привело к прототипическому эффекту в рамках юридической теории (базовый уровень – семантическое поле: гражданское право, гражданский оборот, имущественные отношения, субъект права, правовая личность) и народной теории (базовый уровень – семантическое поле: организация, официальное делопроизводство, экономические отношения).

Таким образом, можно сказать, что субкатегория «юридические лицо публичного права» является нетипичным примером категории «юридическое лицо». Как показал Дж. Лакофф «огромный массив нашего знания организован в терминах типичных случаев... и является нормой делать выводы от типичных примеров к нетипичным» [Лакофф, 2004, с. 123], но не наоборот. Поэтому юристы ищут в категориях «государство», «государственный орган» признаки базового уровня категории «юридическое лицо»...

Учитывая вышесказанное, мы должны выявить концептуальную природу рассматриваемого понятия. Для этого необходимо ответить на вопрос: почему в языке существует категория, которую представляет данная форма [Филлмор, 1988, с. 66]? Языковая форма категории «юридическое лицо» семантически связана с языковой формой категории «физическое лицо»; каждая из них состоит из общего имени и его предикативной характеристики. Слово «лицо», этимологически связано с понятием личность «через посредство прилагательного «личный», не от него, но к нему образованного» [Степанов, 2004, с. 734]. При этом, «слово “личность” несет в себе как бы следующий тезис: индивидуальность человека, его неповторимость связана с его индивидуальным внешним обликом, ликом» [Степанов, 2004, с. 735].

Таким образом, концепт «лицо / личность» связывается в русской культуре с инсценировкой и исполнением человеческого тела в социальных практиках. Следовательно, мы можем говорить об искусственности, метафоричности номи-

нализации некой юридической сущности как лица по отношению к естественному языку. Оппозиция предикативных характеристик физическое / юридическое также указывает на противопоставление объективной «телесной» реальности и реальности правовой, формализованной.

Исходя из семантики слов в оппозиции «юридическое лицо / физическое лицо», а также анализа связи двух когнитивных структур (фреймов), стоящих за языком, в рамках научной и народной теорий, мы можем выявить **концепт «юридическое лицо»**, применимый как к естественному, так и юридическому языку. Автор под таковым понимает *репрезентацию деятельности и целей n-людей или одного человека как естественных лиц, в качестве неразложимого на части единого целого – искусственной личности, в юридически значимом пространстве.*

В заключение, стоит отметить, что приведенные выше методологические предпосылки, в рамках когнитивного (теория прототипов) и семиотического подхода (теория знака) к юридическому языку, имеют развернутую перспективу:

1) определение той или иной юридической категории в правовом дискурсе, путем выявления конвенции – идеальной структуры (фрейма, ИКМ), которая стоит за употреблением данного слова в юридическом языке;

2) характеристика употребления соответствующего имени в обыденном языке с позиции семантики фреймов;

3) выделение семантических полей в рамках научных и народных теорий, соответствующих базовому уровню категоризации; если имеется прототипический эффект – выявление его характера (источника прототипического эффекта);

4) семантическая характеристика языковой формы соответствующей категории, с целью выявления когнитивной детерминанты именованного в естественном языке – соответствующего культурного / социального окружения;

5) концептуальная характеристика: установление инварианта значения (смысла) рассматриваемого слова, посредством синтеза двух названных семантических полей и семантики языковой формы слова.

Литература

- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. М., Вып. 16: Лингвистическая прагматика. 1985. С. 79–128.
- Гегель Г. Собр. соч.: В 14 т. М., 1937. Т. 5: Наука логики.
- Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 4. Ч. 1.
- Колесник Н.В. Фреймова семантика Ч. Филлмора // Язык, сознание, коммуникация. М., 2002. № 22. С. 58–65.
- Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. 10: Лингвистическая семантика. С. 50–61.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
- Проскурин С.Г. Тематическая сеть языка и культуры // Критика и семиотика. Новосибирск, 2010. Вып. 14. С. 335–353.
- Степанов Ю.С. Семиотика. М., 1971.
- Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М., 2002.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2004.
- Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23. С. 52–92.
- Философия сознания: история и современность. М., 2003.
- Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права // Журнал российского права: 2005. № 5. С. 16–26.